

Сергей Пономаренко

ВЕДЬМИН ПОДАРОК

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
П56

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

ISBN 978-966-14-1694-8 (PDF)

© Пономаренко С. А., 2010
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», из-
дание на русском языке,
2010
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», ху-
дожественное оформле-
ние, 2010

Пролог

1. Киев. 1914 год

В солнечный сентябрьский полдень в трехэтажное желтое здание в стиле ампира, расположенное на пересечении Владимирской и Большой Житомирской улиц, вошел пристав 1-го стана Васильковского уезда Леопардов Овсей Терентьевич. В огромном, всегда многолюдном здании Присутственных мест располагались городская управа, пожарная и полицейская части. Легко ориентируясь в бесчисленных коридорах, переходах, лестничных пролетах, пристав прошел в сыскное отделение, занимавшее пять смежных комнат. Он с облегчением вздохнул, застав на месте заведующего Киевским сыскным отделением коллежского асессора господина Репойто-Дубяго.

— И что же ужасное стряслось у вас на участке? Судя по вашему озабоченному виду, в Белой Церкви происходят события не менее значительные, чем военные действия в Галиции, — попытался пошутить заведующий отделением, на самом деле пребывавший в мрачном расположении духа.

В последнее время преступный мир города не единожды подкладывал ему свинью, совершая громкие, до сих пор не раскрытые преступления, взбудоражившие общественность и вызвавшие недовольство губернатора. Прибывший из Москвы господин Горностаев, назначенный полицмей-

стером, потребовал немедленных результатов работы, а где их взять, если сыскное отделение укомплектовано людьми лишь на треть и состоит из восьми человек? Не далее как вчера полицмейстер стал приводить в пример заведующему работу предшественника, господина Красовского, словно не понимал, что для расследования серьезных дел требуется время — это только у известного книжного сыщика Шерлока Холмса происходит все быстро и гладко, а в жизни — медленно и наперекосяк. Тот же Красовский, не угодив губернатору и судебным чинам результатами одного расследования¹, был ранее положенного срока отправлен в отставку и заделался пасечником, считая, что пчелы меньше жалят, чем люди. Упаси Господи повторить его судьбу!

— В Галиции армия генерала Брусилова удачно наступает, уже и Львов наш, а вот в уезде беспокойно и тревожно — пропадают дети, — вздохнул пристав. — Меня исправник² прислал. Сказал на дорожку: «С твоего участка началось — тебе и разбираться! Езжай к Александру Степановичу, пусть поможет советом, а может, и даст толковых агентов в помощь».

— Излагайте, Овсей Терентьевич, что у вас там произошло? — с брезгливым недовольством повторил вопрос Репойто-Дубяго. — Только кратко, по сути.

— На протяжении двух месяцев в уезде пропало пятеро подростков в возрасте 14—16 лет — двое мужского и трое женского пола. Все из мещан, из добропорядочных семей. Розыски ничего не дали.

¹ Дело Бейлиса, где политические мотивы повлияли на объективность расследования, что в результате привело к отставке знаменитого киевского сыщика Красовского Н. А.

² Начальник полиции уезда.

— И это все? — Александр Степанович недовольно посмотрел на пристава, отрывающего его по пустякам, и холодно сказал: — Вы инструкцию по уголовному сыску читали? Из ваших же слов следует, что отсутствует преступление, подлежащее уголовному расследованию: нет тел, нет свидетелей, знающих или слышавших что-либо о пропавших.

В это время в кабинет вошел полицейский надзиратель Сухаверский и доложил:

— Александр Степанович, поступило сообщение: на Лукьяновском участке обнаружен труп неизвестного, у него вскрыта и заполнена негашеной известью полость живота. Мы немедленно выезжаем и берем ищейку Трефа — может, он возьмет след. Там мало кто ходит, да и городской охраняет место преступления.

— Езжайте. А я вам вскоре пришлю своего помощника, господина Абакумова. — Репойто-Дубяго перевел тяжелый взгляд на пристава. — Слышали? Есть труп, есть преступление, а у вас — ничего нет! Может, молодые люди сбежали из дому, желая участвовать в войне? Недавно группу из трех гимназистов, запасшихся консервами, сухарями и австрийским штыком, сняли с эшелона, отправляющегося на фронт. Если недавно подростки сбежали из дому, начитавшись Майн Рида и Купера, теперь их притягивает война. Девушки убегают из дому, начитавшись романтических историй, желая стать сестрами милосердия и спасать раненых героев. Может быть, молодежь решила побродяжничать, поиграть, а в монастырях странников всегда накормят. Похолодает — вернутся домой. Господин Сикорский¹ даже имеет свою

¹ Психиатр, отец будущего авиаконструктора.

теорию о бродяжничестве как проявлении свойственного молодежи невроза, побороть который способна лишь чуткость близких. Недавно из Лавры к нам привели девятилетнюю девочку, рассказывающую чудовищные вещи: она сирота, имела младших брата и сестричку, попала на воспитание к тете. Та, решив избавиться от обузы, утопила в Днепре ее брата и сестричку, а ее отвела в монастырь. Мы с ног сбились, разыскивая ужасного монстра-убийцу, ее тетю, а нашли — ее живых родителей. Никакая она не сирота, а просто сбежала из дому, и ее братишка с сестренкой здоровые и невредимые. Наговорила нам с три короба, сама не понимая, зачем говорит. Вот так бывает, любезнейший! А эти ваши розыски только отвлекают от расследования настоящих преступлений.

— Я буду очень рад, если все образуется, Александр Степанович, — согласно кивнул пристав, едва сдержавшись, чтобы не прервать длинный монолог заведующего отделением. — Дети пропали каждый в отдельности и между собой не пребывали в дружеских отношениях. Разве что две девочки учились в пятом и седьмом классах белоцерковской женской гимназии, но из опросов учеников известно, что они знают друг друга лишь в лицо. Третья девочка училась в народном училище в Фастове. Юноши тоже не знали друг друга: один учился в шестом классе реального училища в Василькове, второй — в земской школе в Тараще. Пропадали с периодичностью от одной недели до двух. Согласитесь, Александр Степанович, в большинстве случаев подростки покидают дом из тяги к приключениям вместе с друзьями-единомышленниками — вдвоем, втроем и почти никогда — в одиночку. Я навел справки — родители души не чаяли в пропавших чадах и сейчас вне себя от горя.

Дети были благовоспитанными и весьма послушными. Поиски по близлежащим селам, лесам, рекам, озерам ничего не дали.

— При каких же обстоятельствах они исчезли?

— Не вернулись домой после занятий. В день исчезновения их поведение ничем не отличалось от обычного.

— Выходит, молодые люди пропали сразу после занятий, — задумчиво произнес Александр Степанович. — Предполагаю, что их исчезновение породило массу слухов, вы не узнавали каких?

Пристав нервно заерзал на стуле и после непродолжительного раздумья произнес:

— Отчего же, узнавал-с. Если им верить, то пропали подростки не случайно и их уже нет на этом свете. Слухи эти полны всякой чертовщины.

— А все же? Бывает, в бессмыслице кроется зерно истины, надо лишь отделить его от плевел.

— Город будоражат слухи, что детей похитили для ритуальных жертвоприношений, — через силу выдавил из себя пристав.

— Упаси Господи! — Александр Степанович произвольно перекрестился. — Дело Бейлиса¹ еще свежо в памяти — избави нас Боже от подобной напасти! Три года город, губернию колотило от всего этого, а закончилось все ничем.

— Истинные виновники ушли от наказания, а Красовского отправили в отставку, — добавил пристав.

¹ Речь идет об убийстве в Киеве в 1911 г. 13-летнего Андрея Ющинского, тело которого нашли обескровленным. Попытка отнести его к ритуальному убийству вызвала большой резонанс по всей Российской империи.

«Опять Красовский! Второй раз за сегодняшнее утро слышу его имя!» — Александр Степанович дернулся, но взял себя в руки и строго сказал:

— Подобные разговоры на местах категорически запрещайте и принимайте меры к тем, кто распространяет слухи! Тел нет — не о чем говорить!

— Еще идут разговоры, что из могилы восстал «черный пан» и стал собирать жатву крови, — тихо произнес пристав.

— А это еще что такое? — недовольно поинтересовался Александр Степанович.

— Местная легенда о шляхтиче-помещике из этих мест, — начал пристав.

— От легенд — увольте меня! — резко прервал заведующий сыскным отделением. — Я занимаюсь конкретными преступлениями, а чьи-то домыслы или сказки меня не интересуют. Будь господин Гоголь сейчас жив, то это как раз к нему! Он был бы благодарен! А у меня — работа! Реальные трупы, реальные преступления! Да, сударь! Шниферы, марвихеры, домушники, городушники, вздерщики, медвежатники, мойщики и прочий сброд! Будет реальное преступление — милости просим! А сейчас мне недосуг!

— Честь имею! — пристав тяжело поднялся со стула. «Не поверил мне заведующий сыском, что это дело очень серьезное. О нем еще заговорят, и в скором времени».

— Идите, Овсей Терентьевич, — уже мягче произнес Александр Степанович. — Будут новости о пропавших — приезжайте. Мое почтение исправнику, Аркадию Варламовичу!

Одолеваемый еще более тревожными думами, чем по дороге в управу, пристав вышел из здания на улицу. Осеннее солнце умудрилось ослепить его, и пристав внезапным

ураганом налетел на невысокую стройную гимназистку, так, что папка для рисования вырвалась из рук девушки. Листы с рисунками разлетелись по тротуару, и сконфуженный пристав бросился их собирать.

— Простите великодушно — не заметил вас, барышня! — весь красный от стыда, извинился он, собирая рисунки в папку.

Курносая рыжеволосая подружка гимназистки прыснула от смеха, наблюдая за ним. Пристав, представив, как это комично выглядит со стороны, еще больше побагровел и, приложив руку к фуражке, произнес:

— Честь имею, барышни! — и проследовал дальше.

— Какой он большой и смешной! Правда, Лора? — И тут она обратила внимание на свою пострадавшую подругу, которая тяжелым неотрывным взглядом провожала удаляющегося полицейского. — Ты о чем задумалась, Лора? Вернись на землю!

— Мне кажется, Софи, что Судьба преподнесла мне эту встречу не случайно и она предполагает в будущем неприятное продолжение, — словно не в себе, произнесла гимназистка, механически укладывая рисунки в папку.

— Ты о чем, Лора? — вновь рассмеялась подружка. — Что нас может связать в будущем с этим полицейским? Мы не преступницы, даже не революционерки, — тут она озорно хохотнула, — а он старый, толстый и некрасивый. Забудь о полицейском, лучше поговорим о Жорже, а еще лучше — зайдем в кофейню. Очень хочется эклеров!

— Хорошо, Софи, идем, — кротко произнесла Лариса, напряженно думая о чем-то.

— Лора, ты иногда меня пугаешь своими высказываниями, — щебетала София, взяв подругу под руку и строя

глазки молодым людям, идущим навстречу. Она отметила, что многие из них в военной форме, стройные, мужественные, хотя еще недавно они занимались чем-то совсем мирным, например, были счетоводами. — Вот не далее чем вчера вы сказали, что с Жоржем у меня нет будущего. Откуда такие выводы? Неужели «бросили» на меня и него на своих знаменитых волшебных картах?

— Софи, для этого карты мне не нужны — это видно невооруженным глазом, — девушка мягко улыбнулась.

— А я вот возьму и вскружу ему голову! — не согласилась рыжеволосая София, вновь заливаясь смехом, и девушки зашли в кондитерскую.

2. Киев. 2002 год

— Это просто невозможно выдержать! Это же не палата, а морг! — С этими словами в кабинет главврача влетела женщина невысокого роста, тощая, словно щепка, в цветастом байковом халате и пушистых белых тапочках, прервав утреннюю «пятиминутку».

Хозяин кабинета, Панчишин Сергей Владимирович, слыл среди врачей и пациентов человеком демократичным и справедливым. Он не разорался в ответ и не выставил женщину за дверь, как это произошло бы в девяносто девяти процентах случаев, а постарался разобраться в причинах ее беспокойства.

— Чем вы недовольны, больная? — спокойно поинтересовался Сергей Владимирович, а заметив, что заведующий терапевтическим отделением Иван Петрович с негодованием поднялся, сделал тому знак не вмешиваться. Иван Петрович молча, явно с неудовольствием, снова сел.

— Да, я больна, и, оставаясь в этой палате, не уверена, что смогу выздороветь. Ведь в ней каждый день появляются покойники! — истерически выкрикнула женщина.

— Иван Петрович, как я понимаю, это ваша пациентка. Поясните, в чем дело? — Сергей Владимирович перевел взгляд на заведующего отделением.

— В седьмой палате позавчера ночью умерла больная Курлова: на фоне давнего заболевания диабетом с ежедневным введением дозы инсулина развилось...

— Говорите по сути, причину смерти больной Курловой я знаю! — нетерпеливо оборвал его Сергей Владимирович.

— Вчера днем «скорая помощь» расстаралась — привезла пациентку в возрасте за сто лет! — возмущенно повысил голос Иван Петрович. — С целым букетом заболеваний, из которых главное — старость, дряхлость. Ночью ей стало плохо, больные подумали, что она умирает, но она жива, хотя находится в крайне тяжелом состоянии. Пациенты из седьмой палаты возмущены и требуют, чтобы ее перевели в другую палату. Я об этом хотел доложить, но больная Живчикова меня опередила.

— Да, мы настоятельно требуем! — вскинулась Живчикова.

— Больная, успокойтесь и возвращайтесь в свою палату, а мы примем решение, — обратился к ней Сергей Владимирович.

— Да, но... — попыталась еще что-то добавить Живчикова, однако голос Сергея Владимировича приобрел жесткость, а глаза за стеклами очков превратились в ледышки.

— Идите, больная, а мы сами разберемся! Иван Петрович! Демократизм Сергея Владимировича имел разумные пределы, а его справедливость иногда переходила в злопа-

мятность. Иван Петрович, мгновенно вскочив с места, помог больной быстро покинуть кабинет. Вернувшись, не присаживаясь, он обратился к главврачу:

— Старуха умирает в страшных мучениях на глазах больных палаты. Странно, что она до сих пор жива. Может, ее поместить в коридор? В уголок, возле кабинета лечебной физкультуры, и в нем на сегодня отменить занятия — до вечера она явно не протянет.

— Ни в коем случае! Сегодня нас проверяет комиссия из горадминистрации. Будет скандал! — поспешно вмешалась заместитель главврача Нина Сергеевна.

— Но в палате ее тоже не оставишь! — начал кипятиться Иван Петрович.

— Спокойно! — поднял руку Сергей Владимирович, прекращая этим готовый разгореться спор. — Поместим ее в реанимацию — там отдельные боксы, мешать она никому не будет. Ведь у тебя есть свободное место, Сан Саныч?

Заведующий реанимационным отделением, молодой, подтянутый кандидат наук, вскочил и по-военному от- рапортовал:

— Так точно — есть! Определим ее в крайний бокс, а ближайшим соседом у нее будет мужчина, находящийся в сопоре¹. Она ему явно не помешает.

— Вопрос решен, — подвел черту Сергей Владимирович. — А ты, Иван Петрович, выясни в приемном отделении, какая бригада «скорой помощи» нам подкинула столетнюю мадам. Я поговорю с их руководством! — Его

¹ Болезненная сонливость, когда больной может выйти из состояния сна при сильном раздражителе.

глаза под стеклышками очков воинственно заблестели. — Переходим к следующему вопросу...

— Сан Саныч, все оборудование третьего бокса не работает — обесточено! — С этими словами в ординаторскую, где заведующий реанимационным отделением пил кофе вместе с недавно принятой врачом-кардиологом, заглянула встревоженная медсестра Света.

Она с неудовольствием посмотрела на яркую губастую блондинку, расплывшуюся в улыбке, очевидно, от приятной беседы. При любом движении ее огромный бюст чуть ли не выпадал из выреза халата. Заведующий отделением был мужчиной холостым, видимым и поэтому пользовался повышенным интересом женской половины персонала больницы.

— В первую очередь надо вызывать электрика, а не паниковать! — раздраженно бросил подчиненной Сан Саныч и спокойно продолжил разговор с блондинкой-кардиологом: — Когда я освобожусь, мы продолжим разговор о новейших зарубежных разработках в области хирургии. — Он недовольно оглянулся на Свету, продолжавшую стоять в дверях, и отметил, что у той обиженное лицо.

— Электрик уже в боксе, возится, но ничего не может сделать, — язвительно сообщила Света, сверля взглядом блондинку. — Аппарат искусственного дыхания не работает — у больного уже нитевидный пульс. Для поддержания дыхания применили мешок АМБУ¹. — Она произвольно вспомнила крылатое выражение медиков: «Если АМБУ, значит, еще не амба».

¹ Аппарат для искусственной вентиляции легких.